ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ

(Материалы «круглого стола»)

3 марта 2005 г. в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации состоялся «круглый стол» по проблеме «Духовная культура современного российского общества: состояние и тенденции формирования».

Организаторами обсуждения выступили журнал «Социологические исследования», Социологический центр РАГС, кафедра теории и практики культуры РАГС, кафедра социологии РАГС, вестник «Социология власти» РАГС.

В работе «круглого стола» приняли участие известные ученые, а также представители средств массовой информации страны. Для участников был подготовлен материал, содержащий результаты социологического исследования, проведенного Социологическим центром РАГС в декабре 2004 г.[1]

Открыли и вели заседание «круглого стола» директор Социологического центра, заведующий кафедрой социологии РАГС, главный редактор вестника «Социология власти» д.ф.н., профессор **В.Э.Бойков** и главный редактор журнала «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, д.ф.н., профессор **Ж.Т.Тощенко**

Для обсуждения были предложены следующие проблемы:

1. Существует ли кризис духовной культуры в современном российском обществе? Преемственность и новаторство в современной духовной культуре.

2. Современная российская интеллигенция и власть: очаги конфликтов и зоны сотрудничества.

3. Современная российская духовная культура в контексте западной и восточной культур.

В обсуждении проблем приняли участие: **В.К.Егоров**, президент-ректор РАГС, заведующий кафедрой теории и практики культуры, доктор философских наук, профессор; **В.М.Межуев**, главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор; **В.Д.Попов**, заведующий кафедрой информационной политики РАГС, доктор философских наук, профессор; **О.Н.Астафьева,** заместитель заведующего кафедрой теории и практики культуры, доктор философских наук, профессор; **В.Н.Порус,** профессор Высшей школы экономики, заместитель главного редактора журнала «Эпистемология и философия науки», доктор философских наук; **В.Л.Романов,** за-

[1] Результаты исследования, а также некоторые аналитические статьи и материалы опубликованы в вестнике «Социология власти». 2005. №1.

ведующий кафедрой организации социальных систем и антикризисного управления РАГС, доктор социологических наук, профессор; **О.Б.Скородумова**, доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии МИРЭА; **С.М.Соловьев,** главный редактор журнала «Скепсис»

Ниже публикуется отредактированная стенограмма «круглого стола»

Бойков В.Э., директор Социологического центра, зав. кафедрой социологии РАГС, главный редактор вестника «Социология власти»

Стало традицией проводить по итогам наших исследований заседания «круглого стола». Как правило, мы их организуем вместе с редакцией журнала «Социологические исследования». В организации сегодняшнего «круглого стола» и его работе принимают участие сотрудники кафедры теории и практики культуры РАГС, а также кафедры социологии, Социологического центра. В заседании участвуют специалисты в области культуры, представители средств массовой информации, аспиранты, докторанты, наш партнер из Германии от Фонда Р.Люксембург.

Для участников «круглого стола» мы подготовили материалы социологического опроса населения (2407 человек) и экспертов (506 человек). Экспертную группу составили работники театров, библиотек, музеев, СМИ, домов культуры и народного творчества, управлений культуры, творческих союзов, преподаватели и т.д. Организаторы исследования — кафедра теории и практики культуры, Социологический центр и кафедра социологии РАГС.

Мы предложили три вопроса для обсуждения. Дискуссия может выходить за их пределы, но хочется, чтобы внимание было сконцентрировано именно на этих вопросах.

Егоров В.К., президент-ректор РАГС, заведующий кафедрой теории и практики культуры

Когда я посмотрел данные нашего интересного и основательного социологического опроса, то обратил внимание, что оценки состояния культуры, духовности, нравственности в обществе, деятельности различных институтов культуры практически совпадают при опросе населения и экспертов. Мне кажется, это отрадное явление. В такой непростой и тонкой сфере, как культура, духовность, нравственность, получить практическое совпадение оценок у экспертов и у населения — это феномен, который требует дополнительных размышлений. Оставить его без осмысления, без исследования социологическими инст-

рументами, мне кажется, было бы не очень бережным отношением к тому, что мы получили в результате опроса. Казалось бы, эксперт должен дать иную оценку, нежели население в целом, но нет, все идет примерно на одном уровне. Это первое, что хотелось бы отметить.

Второе. Что мы подразумеваем под духовными ценностями и что являет собой духовная культура? Это не значит, что мы должны уйти в сугубо теоретические, фундаментальные проблемы — философские, культурологические, социологические. Но мы должны определиться в базовых моментах, чтобы понимать, из чего исходить, говоря о прогрессе или регрессе. Этот вопрос логично смыкается с другим вопросом, поставленным организаторами в качестве приглашения к раздумьям, т.е. то, что связано с проблемой интеллигенции и власти. Что мы подразумеваем под интеллигенцией, о какой интеллигенции идет речь? Есть творческая интеллигенция, элита московская и питерская и еще немножко по областным городам и весям. Но на самом деле интеллигенция — это чуть ли не половина тех, кого сегодня называют бюджетниками: учителя, врачи, библиотекари, работники сохранившихся еще пока домов культуры или кинотеатров и т.д. Вопросы об отношении к власти этой интеллигенции, которую часто называют чеховской, с одной стороны, и творческой интеллигенции, научной элите, особенно мегаполисов и, главное, двух столиц — с другой, будут приобретать в этом случае разные оттенки.

Если посмотреть на бюджетную сферу и тяжелейшее нищенское существование учителей и врачей, работников культуры и образования в целом, да и среднее звено — молодежь в науке, то настроение и отношение к власти, связанные с тяжелым материальным положением и социальной неустроенностью, будут превалировать и вольно или невольно корректировать отношения собственно в сфере духовности, к ценностям и к духовной культуре опять-таки через призму отношения к власти, государственной политике и т.д.

Такой аспект должен быть осмыслен. Возможно, в других исследованию следует отработать и поискать социологические подходы к тому, чтобы уяснить вопроса о том, что такое наша интеллигенция. Если этого не сделать, в результате может получиться достаточно искаженная картина.

И последнее. Исследования Социологического центра РАГС, связанные с исторической памятью или с оценками общественного сознания, с отношениями поколений, различиями между группами населения выявляют интересный феномен. Казалось бы, входят и вступают в жизнь новые поколения, которые о многом знают лишь понаслышке. Но бытовая историческая память часто работает на более глубоком уровне, нежели официальные институты, в том числе

СМИ. И выясняется, что при естественном различии отношения к базовым ценностям общества и ключевым проблемам политики между старшим, средним и молодым поколениями, несмотря на то, что мы пережили революцию, что произошла смена общественного строя, пережит один системный кризис и начался другой, межпоколенческие отношения достаточно ровные. Предрекавшегося конфликта или серьезного разногласия между молодежью и старшим поколением в их оценке духовных ценностей, государственной политики не происходит. Различия есть, больше того, иногда весьма серьезные. Но это, по-моему, не выходит за рамки естественных межпоколенческих различий в любом обществе, даже во вполне благополучном, стабильном, а не только находящемся в состоянии кризиса и общественной трансформации.

Бойков В.Э.

Хочу подать реплику. Действительно, формы досуга, как показывает наше исследование, у представителей разных поколений, естественно, разные, это очевидно. Но предыдущее исследование, которое мы проводили совместно с Фондом Р.Люксембург, показало, что наиболее острое ощущение конфликтности возникает между богатыми и бедными, работодателями и занятыми по найму (пока это субъективное ощущение конфликтности, которое объективно ни в чем не проявляется). А вот между мужчинами и женщинами, между молодыми и пожилыми людьми субъективного ощущения конфликтности не было. Ни в одном из наших исследований мы не нащупали ощутимых различий в ценностной структуре массового сознания различных возрастных групп.

Тощенко Ж.Т., главный редактор журнала «Социологические исследования», член-корреспондент РАН

Первый вопрос: существует ли у нас кризис духовной культуры? Есть точка зрения, которая при помощи социологических исследований доказывает, что имеется кризис. Есть и другая позиция: да, имеются недостатки, кризис, но в целом все-таки культура развивается, получает импульс, выражается в новых достижениях в сфере культуры, образования, науки и т.д.

Мне кажется, что такая постановка: прогресс или регресс, кризис или успехи, не совсем плодотворна. Реальность и социологические исследования показывают, что рассматриваемые процессы несут в себе противоречивое единство, которое подтверждает тезис о кризисе, но в такой же степени его отвергает.

Более плодотворно рассматривать реальные явления или процессы духовной культуры и определять эти кризисные или прогрессивные точки, пытаться объяснять противоречивые явления. Известно, что человек одновременно искренне верит во взаимоисключающие ценности и ориентации, причем убежден в значимости того и другого. По одним позициям он либерал, по другим — коммунист, по третьим — националист. Ясно, что человек отвечает на эти вопросы применительно к конкретной ситуации.

Деление по политическим основаниям, когда какое-то количество людей оказываются сторонниками либеральной политики, какое-то — демократической, какое-то — социалистической, это частичная, неполная правда. Разделение людей по другим основаниям, в том числе культурным, может серьезно изменить этот расклад и перевести людей совершенно в другие измерения.

Эти противоречия должны учитываться. Мы проводили опрос относительно интернациональных, патриотических убеждений. Оказалось, что практически нет людей, которые бы утверждали, что не надо считаться с культурой других народов, с другим языком. При этом некоторые в конкретной жизненной ситуации занимают националистические, профашистские позиции по отношению к конкретному народу, культуре, языку. Причем и в том, и в другом отношении они искренне убеждены.

Поэтому вопрос кризиса нужно рассматривать во всем его противоречивом единстве, и не искать, кто прав, кто виноват, с точки зрения науки.

Эта противоречивость проявляется и в отношении преемственности и новаторства. Меня все больше смущает (я вижу по печатным материалам, которые представляются в редакцию «Социса») иногда полное забвение того, что связано с прошлым. Это ограниченность, которая делает человека ущербным, характеризует его духовную культуру. Приведу пример. Летом прошлого года я увидел рекламу турфирмы, которая называется «Харон». Я позвонил туда, они ответили, что это герой древнегреческой мифологии, занимавшийся перевозками людей. Я спрашиваю: а знаете, куда это перевозка? Это же перевозка в загробное царство!

Вывод один: не может быть хорошего специалиста, в данном случае социолога, который не знает хорошо историю, философию, некоторые экономические, правовые основы. Только тогда в «снятом» виде эта информация может присутствовать в наших рассуждениях и обогащать наши мысли.

Второй момент: российская интеллигенция и власть. Меня поражает, что наши люди, которые вдруг становятся причастными к влас-

ти, заранее соглашаются с тем, что власть говорит. В статьях появился «интересный» оборот: «как сказал Президент Владимир Владимирович Путин». Это считается достаточной системой доказательств. 20—30 лет назад это звучало так: «как было подчеркнуто на XXV съезде КПСС», «как сказал Генеральный секретарь» и т.п. Это болезнь, когда мы заменяем систему доказательств ссылкой на авторитет.

Меня также волнует проблема совмещения несовместимого в людях. Такое совмещение культуры и того, что должен решать человек культуры, обнаруживается в таком известном персонаже, как М.Швыдкой. Я не могу понять человека, который оправдывает мат, брань, порнографию, который считает, что все это отражает то, что происходит в духовной жизни. Это предстает как государственная политика, потому что М.Швыдкой облечен властными полномочиями, соответственно, категория таких людей представляет не только личную точку зрения. Если бы это была субъективная точка зрения, то можно было бы полемизировать, высказывать различные мнения, спорить.

Отношения власти, интеллигенции, культуры — сложная и нерешенная проблема. Но она приобрела такие черты, которые могут, на мой взгляд, привести к потере духовности, к потере ориентиров. В России часто ориентируются на людей, имеющих определенный общественный вес. Сама должность может оказывать значительное влияние на массовое сознание.

Несколько слов о западной и восточной культурах. В свое время я был довольно длительное время в Китае. Х.Н.Момджян, вице-президент советской социологической ассоциации, после возвращения спросил меня: «С твоих ушей слетела европоцентристская пыль?» В Китае мне впервые пришлось познакомиться с таким богатством мировосприятия. Это другое миропонимание, другая трактовка окружающего, отношение к нему, но не менее богатое. Может быть, стоило бы и европейцам, и нам поучиться восточным подходам к решению проблем. Мы ориентированы на западноевропейскую культуру, западную, плохо осознаем это, в результате обедняем себя. Я у своих социологов вел курс, нашел специалиста, который читает историю восточной социальной мысли, чтобы познакомить с виднейшими мыслителями, философами, социологами. Это дает возможность подрастающему поколению более адекватно оценить другие подходы к миру.

Есть еще одна проблема, которая меня волнует. Под влиянием глобализации мы создаем единую культуру, но в результате теряем такие вещи, которые могут быть потерей для культуры всего человечества. Когда я работал в Красноярском крае, мне приходилось посе-

щать маленький народ (селькупы), их 1200 человек, в основном рыбаки. У них очень своеобразная культура. Я с тревогой думаю, что с ними будет. А там процесс идет, 40% этого народа уже не говорят на своем языке, хотя какие-то обычаи и традиции соблюдают. Плохо, если это исчезнет и останется лишь на стертой доске человеческой памяти. Как примирить эти глобализационные процессы, которые связаны с тем, что мы формируем единую, общую культуру, с необходимость сохранить даже небольшие элементы, которые образуют многоцветие, красоту человеческой культуры?

Бойков В.Э.

Наш первый вопрос звучит так: «Существует ли кризис в духовной культуре?». Социологическими средствами замерить этот кризис сложно, хотя какие-то статистические и социологические индикаторы возможны. Статистически можно оценить, например, сократилось ли духовное производство определенных репертуарных театров, классической литературы и т.д. Мы можем достаточно четко зафиксировать, например, какие изменения происходят на уровне потребления. По данным статистики, у нас увеличивается количество газет, журналов, тиражи выпускаемых книг, а количество читателей падает. Количество храмов растет, а количество верующих не увеличивается.

Вот на что я хочу обратить внимание, говоря о кризисе духовной культуры. Дело в том, что духовная культура, духовное производство тесно связаны с социальной, политической, социально-трудовой сферами и т.д. Здесь есть взаимное влияние. Это проходит через человека. Немецкий философ и социолог Т.Адорно в свое время выявил (и не только он) такую причинно-следственную связь: чем больше социальное напряжение в обществе, тем чаще людей мучают всевозможные страхи, тем больше люди стремятся уйти в мир грез.

По данным нашего исследования, в обществе, в духовном производстве и потреблении доминируют телевидение и видеофильмы, которые распространяются с помощью кассет, дисков и т.д. Государственная статистика об этом тоже свидетельствует. На телевидении преобладают развлекательные программы. По тем данным, которые мы получили, 75% населения (среди экспертов 90%) отрицательно оценивают тот факт, что в развлекательных телепередачах много пошлости, сцен насилия, секса и т.д. В то же время по данным, которые приводятся в интересах телепродюсеров, у этих программ самый высокий рейтинг. То есть, с одной стороны, люди отвергают, с другой — может, им нечего потреблять больше, а может, это самое простое потребление — лежа на диване, щелкать кнопкой и смотреть вот эту самую пошлость, потом ее критиковать, обсуждать и т.д.

Возникает вопрос: этот кризис идет от кризиса в культуре или от социального кризиса? Понятно, что здесь манипуляторы поработали очень продуктивно. Но самый талантливый манипулятор не мог бы добиться такого эффекта, если бы общество не было в состоянии фрустрации. Мы регулярно опрашиваем население, испытывает ли оно тревогу по поводу неизвестности будущего? В 1993 г. 32% испытывало тревогу, в год дефолта 1998 г. — 75%; это было самое напряженное время. Сегодня устойчиво — 55 –56%, это наши точные данные. Я провел элементарный корреляционный анализ, соотнес тревоги людей и их потребительские интересы в духовной сфере. Оказалось, что чем сильнее внутренний стресс, тем чаще обращаются вот к этой пошлости, «развлекаловке».

Межуев В.М.

Чем голоднее человек, тем более простую пищу он потребляет.

Бойков В.Э.

Кризис в духовной сфере наверняка есть, но механизм его развития коренится, может, и не в самом духовном производстве. Это нужно еще и еще изучать.

Теперь об интеллигенции. В советские времена при всей идеологической зашоренности функция культуры состояла в том, чтобы умножать интеллектуальный, нравственный, эстетический потенциал людей. Так стояли задачи, на это была нацелена вся самодеятельность и т.д. Было много хороших песен, театральных постановок, все «Огоньки» начинались с показа классики. Сейчас смеются, если показывают «Лебединое озеро», дескать, кто-то умер. Сейчас какая функция? С точки зрения органов государственной власти, я, честно говоря, не вижу, в чем доктрина, в чем политика. То, что идет от имени Швыдкого, означает, что идет «культурная революция».

Когда я вижу больших мастеров культуры, например, Н.Михалкова, я вспоминаю одно высказывание Т.Дорониной. В начале перестройки состоялась встреча в Кремле Президента СССР с мастерами культуры. Присутствовали действительно большие мастера — Ю.Никулин, Э.Пьеха, Т.Доронина и др. Там было много интересных выступлений. Доронина сказала так: «Очень плохо, когда большой мастер культуры ввергается в политику, он сразу превращается в мелкого политика». Что касается больших мастеров культуры, то, когда я вижу Михалкова, у меня сразу возникает ассоциация, как он рекламирует выборную компанию развалившейся партии «Наш дом — Россия». Это мелкая политика, свидетельство того, что мастера культуры часто больше думают о каких-то других интересах, нежели общенациональных. Вот это досадно, поскольку они являются камертоном для многих.

Что касается работников библиотек, дворцов, домов культуры, то они сами четко сказали, что отстранены от власти. Около 60%, по нашим данным, ответили: мы не можем влиять на власть. Власть сегодня использует представителей культуры для того, чтобы устраивать шоу в период предвыборных кампаний, привлекает для этого кого угодно, чему мы являемся свидетелями. Эти эрзац-отношения между властью и культурой отрицательно влияют на последнюю.

И последнее. То, что люди смотрят телевизор, развлекательные программы — вопрос неоднозначный. С одной стороны, это снимает стресс, позволяет забыть трудности и тревоги. Но, с другой стороны, не влияет ли это отрицательно на культурный генофонд, на ментальные качества? С моей точки зрения, в прагматичном плане культура — это человеческий потенциал: чем выше культура в обществе, тем качественнее работа, отношения в социуме и т.д. Может, с этим и связана политика государства — снять этот стресс? Когда начался развал Советского Союза (хорошо это или плохо, не будем сейчас обсуждать), на телеэкране появились Кашпировский, Чумак, и это было не случайно, это была попытка увести общественное внимание в сторону от насущных политических и других проблем. Чем хуже человек живет, тем меньше он хочет участвовать в забастовках, поэтому чем ниже опускается уровень культуры, тем меньше накал социального протеста, до известного предела. Вот только где этот предел с массовой культурой сегодня?

Межуев В.М., главный научный сотрудник Института философии РАН

Очень хорошо, что социологи в качестве объекта исследования (довольно редкое явление) взяли область, которую философы обозначают как область духа, духовной культуры. Конечно, я знаю, что такое философия духа, феноменология духа, но что такое социология духа — это пока сложная вещь. Есть, конечно, социология культуры, но когда вы говорите о духовной культуре, здесь есть много трудностей, потому что непонятно, чем этот дух можно измерить, какой «температурой». Когда мы экономические, социальные процессы замеряем, тут какие-то критерии уже есть (по ВВП, уровню жизни, производительности труда). Но какими критериями пользоваться, когда мы переходим в сферу духовную? И конечно, стоит обсудить, какой инструментарий тут может работать, чтобы сделать дух не просто предметом теоретико-социологических, но эмпирических исследований. Все-таки опрос — это эмпирическое исследование.

В проведенном исследовании есть очень интересные данные и цифры, о них можно размышлять, но одного вопроса мне не хватает.

Видимо, социолог такой вопрос никогда не задаст; его задаст философ каждому опрашиваемому человеку: а что вы, собственно, называете для себя культурой, какое содержание вкладываете?

Я не требую от каждого человека определения культуры, но у каждого человека есть своя система ценностей, своя система святынь, от которых он никогда не откажется. В зависимости от того, какого рода ценностей он придерживается, что для него свято, он будет судить, кризис это или не кризис. Люди, которые сформированы христианскими ценностями, в современном мире могут усмотреть кризис, как это всегда делала русская философия, которая считала, мир идет к атеизму, значит, «караул!». Люди, воспитанные в ценностях высокой классической культуры, традициях XVIII — XIX или начала XX в., т.е. высокой классики, тоже скажут, кризис, потому что вторых Шекспиров, Гете и Пушкиных мы сегодня не наблюдаем. Люди помоложе, которые сформированы средствами массовой коммуникации, поп-музыкой, рок-музыкой, скажут: расцвет в культуре, потому что этого навалом. Поэтому очень важно отдавать себе отчет, с какого рода системой ценностей, с какими критериями мы пытаемся оценить состояние современной культуры.

Слово «кризис» не нами выдумано, о кризисе культуры кричит вся Европа, причем не о нашей, а своей собственной. И происходит это с XIX в. Кризис — это философское понятие, не в том смысле, что писатели перестают писать романы, а в том, что что-то происходит с культурой, какая-то мутация. О кризисе и Маркс, и Ницше, и Шпенглер говорили, да вся современная философия кричит о кризисе культуры, не цивилизации, а именно культуры. Общество, экономика развиваются, демократия везде, уровень жизни растет (на Западе), техника, транспорт совершенствуются, связи расширяются, а культура куда-то уходит. Важно понять, что под этим понимается.

Я предпочел бы зафиксировать то, что происходит, словом не «кризис», а «изменения». Нужно понять, какие происходят изменения в культуре, а уже потом решать, кризис это или естественный процесс. То, что происходят изменения в культурной жизни, в культурном ландшафте общества, это очевидно сегодня для любого социолога и просто для нормального человека. Мы сегодня живем не в советской культуре, и не и в дореволюционной, это остается как наследие. Ландшафт изменился, культура стала другой. Вопрос заключается в том, под каким углом зрения это рассматривать. Сначала я бы воздержался от оценок. Это первое.

Второе. Какое главное изменение сегодня в нашей российской отечественной культуре бросается в глаза? Его можно по-разному оценивать. В результате ряда преобразований, которые произошли в стране, культура все больше и больше становится разновидностью

бизнеса. Раньше она служила государству, была в какой-то степени орудием власти, государство оплачивало это. Государство правило обществом не только с помощью милиции или суда, но и с помощью культуры, которая, наверное, всегда была и будет орудием власти.

Сегодня восторжествовала другая идея. Культуру освободили от идеологического диктата, она получила свободу, это факт. Ее «освободили» от финансов: если я не заказываю музыку, чего я буду платить за эту музыку? — так рассуждают наверху. Когда я заказываю музыку, я плачу, а не заказываю, пусть платит тот, кто заказывает. И культура все больше попадает под воздействие плохо работающих рыночных отношений, становясь видом бизнеса, предпринимательства. Это значит, что она рассчитывается на массовый спрос, на рынок. Да, книг выходит много, мы такого книжного изобилия не видели, а читают меньше и читают не то, что, казалось бы, должны читать культурные люди.

Культура зажата между двумя жерновами — государством и рынком. Как выжить в этой ситуации? Вот для меня в этом проблема. С одной стороны, я думаю, полное подчинение культуры власти в целом плохо, хотя это неизбежная вещь, другое дело, повторю, какой власти она служит. Если власть демократическая, тогда, я считаю, культура должна быть у нее в услужении. А вот если она не демократическая, она должна быть ее противником и оппонентом. Это к вопросу об интеллигенции. С другой стороны, абсолютная власть рынка над культурой (это понимали всегда, даже не марксисты, а все западные немарксистские мыслители) приводит к кризису культуры, как и к кризису природы — экологическому и духовному. Как только законы рынка начинают работать, как только культура целиком превращается в товар, не только продукт, но и вдохновение становится товаром, это конец. Это уже не культура, а вид некоторого рода потребления. Культура превращается в некий продукт, предназначенный для удовольствия, для «ловли кайфа», для чего хотите, но это товар, который не имеет культурной ценности. Вот в этом я вижу кризис.

Проблема заключается в следующем. Как сделать так, чтобы культура, неизбежно связанная с рынком и с государством, все-таки жила по собственным законам? Потому что законы культуры — это не законы рынка. Я не знаю политэкономии, которая изучает законы культуры, но отношение писателя и читателя — это не отношение продавца и покупателя, это другие отношения. Одно не должно заменяться другим, культура должна сохранять автономию в социальном мире и жить по своим законам, которые нужно тоже знать, и не подчинять их ни законам рынка, ни просто законам политического управления.

Тощенко Ж.Т.
Можно так сформулировать Вашу позицию: да — рыночной экономике, нет — рыночной культуре?

Межуев В.М.
Конечно, абсолютно верно, как нет — рыночному обществу. Это вообще не только наша проблема. Когда мы говорим о кризисе собственной культуры, мы решаем и общечеловеческие проблемы, во всяком случае, общеевропейские проблемы, потому что ту же проблему обсуждают на Западе. Сегодня благодаря переходу на рыночные рельсы в какой-то степени у нас выросла культурная индустрия, с этим спорить нельзя. Но культурная индустрия — это еще не культура.

Бабков В.А., главный реактор журнала «Арт-менеджер»
А все же что такое культура?

Межуев В.М.
Это сложный вопрос, конечно. Культура — это тот самый дух, который трудно измерить. Говорить о духовном очень сложно. Если говорить о том, как можно измерить духовное, то я когда-то выделял это в трех видах отношений человека: а) к природе; б) к другим людям; в) к самому себе. И эти три типа отношений должны совпадать. Если они расходятся, мы получаем зазор между природой и культурой, между обществом и культурой, между личностью и культурой. Это сложный вопрос.

Очень часто у нас отношение человека к другим людям не совпадает с его отношением к себе, т.е. у нас не человеческие отношения. Общество может быть таким, где в обществе я представлен не как человек. Культура — это действительно единство человека с природой и обществом. Конечно, это сложное состояние и в идеале, видимо, его нельзя достигнуть. Но надо стремиться, чтобы оно сохранялось, чтобы человек был равен себе, чтобы не потерять человека, а значит, как хорошо сказал А.Зиновьев, не превратить человечество в муравейник, для того, чтобы не восторжествовал новый тип тоталитаризма, чтобы человек сохранял некоторого рода субъектность и право на творчество. Потому что уход человека из общества — это конец, иссякание творческого начала. Америке хорошо, она богатая, покупает мозги, а когда уже покупать нечего?

О месте интеллигенции в культуре — это проблема, где переплетаются эти ветви. С какого-то времени мы под интеллигенцией стали понимать вид профессии, для нас это стало профессиональной ха-

рактеристикой. Если на Западе интеллигенций называют интеллектуалов, то у нас это вид профессиональной деятельности: техническая интеллигенция, художественная интеллигенция, научная интеллигенция. Можно так рассуждать, для социологов это правомерно. Но если интеллигенция — вид профессиональной деятельности, то почему стоит такая проблема, как интеллигенция и народ? Почему народу надо противопоставлять профессию или интеллигенции власть? Почему власти надо противопоставлять какой-то вид профессиональной деятельности? В России интеллигент больше, чем профессия. Это очень важно понять, тогда будут понятны все проблемы вокруг интеллигенции. Это просто как в известном выражении «Поэт в России больше, чем поэт». Так и интеллигент — не просто профессиональный деятель. Интеллигент в России в какой-то степени — это то, что на Западе называют «идеолог», носитель идей, убеждений, взглядов, правил, часто заимствованных со стороны. Надо помнить, что Россия всегда жила на пересечении культур: европейской, самобытной, собственной. Интеллигент — это как бы мостик, носитель европейской культуры, это русский Запад. Вот что такое интеллигент.

Отношение интеллигента к власти сложное. Интеллигент — это русский просветитель. Его иногда с моралью отождествляют, но это не святой, это неверно. У нас его путают со святым, это неверно. Это просветитель, носитель системы ценностей, которые связаны с просвещением. Интеллигент в этом смысле противник любого самодержавия, самовластия, авторитаризма, тоталитаризма. Он убежденный носитель просвещенного сознания, то есть демократического, правового. И пока власть недемократическая, он — решительный противник власти. Но с какого-то момента наша интеллигенция свихнулась. Об этом в «Вехах» говорится. Это произошло не при советской власти, а раньше, когда интеллигенция решила, что спасать народ — это ее дело, то есть ее дело — идти во власть. Она спутала борьбу против несправедливой власти с борьбой за власть, и пошла во власть со своими идеями. И мы получили то, что получили: монополию идеологии над одной какой-то идеологией.

Интеллигенция должна быть оппозицией власти, пока она недемократическая. А когда появляется профессиональный класс политиков (что у нас, к сожалению, пока тоже профессия), интеллигенция должна заниматься собственным делом. Когда она берет на себя бюрократическую функцию, пытается борьбу против несправедливой власти заменить борьбой за собственную власть, получается, что на смену одним идеологам приходят другие. Из этого круга мы никак не выйдем. Были люди, которые сделали коммунистическую идеологию, теперь пришли люди, которые либеральную идеологию сделали. Зав-

тра придут люди, которые сделают националистическую идеологию. Так и будем жить. Идеолог во власть входить не должен. Идеолог должен защищать свои идеи, отстаивать их, а властью пусть управляют профессиональные политики. А профессиональный политик — это человек, который умеет находить компромисс между всеми идеологиями. Вот моя точка зрения.

Попов В.Д., заведующий кафедрой информационной политики РАГС

Начну свое выступление словами И.Ильина, который говорил так: «В зримом распаде России идет процесс зримого духовного возрождения». С этих позиций мы можем сегодня попытаться оценить, в каком состоянии находится отечественная духовная культура.

По поводу понятия «культура» прозвучали разные точки зрения. В новой философской энциклопедии выделяются три уровня, о которых здесь шла речь: материальный (рыночный, экономический), духовный и социальный. Я считаю, что пока не будет единства взаимодействия между этими видами культуры, мы будем говорить о том, что духовная культура — это вещь в себе. Экономическая культура — тоже вещь в себе. Под духовной культурой понимается субъективный аспект жизни, идеи, установки, ценности. А социальная культура — это отношение людей друг к другу, система статусов и социальных институтов. Если так, то тогда надо рассматривать состояние общества через а) единство; б) взаимодействие этих уровней культур. Далее возникает вопрос: установки и ценности кого? Мне представляется, что в данном исследовании не хватает субъектного подхода. Это те же СМИ, субъекты политики, как они владеют и всё прочее.

Выделяется культура элитарная (опять же цитирую энциклопедию) и духовная культура народа. О какой культуре мы ведем речь?! Для меня встает проблема идентичности между этими культурами. В частности, насколько культура СМИ идентична духовной культуре народа?

Результаты исследования показывают, что духовная культура народа, интересы гражданского общества (переведем в политическую категорию) сегодня не присутствуют в средствах массовой информации. 36,9% опрошенных считают, что налицо засилье бескультурья. И все же я уверен, что есть предпосылки к духовному возрождению России. Духовность не сдается. Ядром духовной культуры народа являются фундаментальные ментальные ценности, прежде всего глубинно духовные.

Вот результаты 10-летних мониторинговых исследований: если в начале 1990-х гг. в духовной культуре народа доминировали запад-

ные ценности, то к началу этого столетия все возвратилось на круги своя: стали преобладать отечественные ценности. Как выражаются эти ценности? Через архетипы, мифы, обычаи, нравы, традиции, народное творчество и т.д.

Для меня встает проблема ментальной идентичности, содержания культуры в целом, и идентичности современных массмедиа, государственной культуры ментальным духовным ценностям народа, в частности.

В этом же контексте встает сегодня вопрос об информационной, коммуникативной культуре между субъектами власти и народом. Одним из показателей этого является культура дискурса. Сегодня дискурс между властью, интеллигенцией и народом отсутствует. Но без этого говорить о выходе из кризиса, если он есть, нельзя. Есть надежда на изменения, потому что 75% опрошенных осуждают насилие в кинофильмах. Даже при том, что 70% хотят смотреть развлекательные программы. Да, это уход в мир грез, личностная психотерапия, если хотите. Да, это «хлеб и зрелища». Да, это уход от злободневных политических, экономических, социальных проблем. 70% смотрят, но 75% осуждают пошлость, которая присутствует сегодня в сфере массовой информации и коммуникации.

Сегодня надо вводить принцип единства экономической, социокультурной и социокоммуникативной трансформации, направлять ее против материально-денежного детерминизма, рыночного фундаментализма и финансового технократизма, потому что это действительно губит культуру. Ибо развлекательные передачи дают высокие рейтинги, а где рейтинги — там реклама, большие деньги.

Исследование показало, что политику в области культуры, управления культуры со стороны власти правильной считают только 36%. Это тоже следует учитывать. Согласно опросу, «модернисты» составляют 26%; «традиционалисты» — 41%; «промежуточные» (ни то ни другое) — 33%. Вот база для психокоррекционной информационной работы. Здесь должна быть соразмерность, не сталкивание лбами модернистов с традиционалистами, а поиск идентичных, общих черт и апелляция к ним во всей нашей культурной политике, информационной политике. Тогда мы будем приходить к какой-то общности взглядов и, наверное, не допускать возможного кризиса духовной культуры, если он есть.

Межуев В.М.

Если общество находится в состоянии исторического развития, то укажите, пожалуйста, период, когда ценности молодежи совпадали с ценностями старшего поколения. В XIX в. существовала проблема

отцов и детей, но это признак все-таки развития, а не кризис. Если мы в традиционалистском обществе живем, тогда да. А если мы развиваемся, тогда как?

Попов В.Д.

Диалектическое единство может быть разовым состоянием, оно может находиться в состоянии развития, когда старшие с младшими расходятся, отцы и дети — это вечная проблема. Другое дело, что разрыв может наступить. В 1990-е гг. эта взаимосвязь была разорвана. Есть закон преемственности поколений, он объективен. Эта преемственность сегодня находится в состоянии не диалектического взаимодействия, а разрыва, потому что резко отличаются ценностные ориентации у старшего и младшего поколений. Я читаю в «Литературной газете», что интеллигенция ориентирует опять на революцию. Кто пострадает? Прежде всего молодое поколение.

Астафьева О.Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой теории и практики культуры РАГС

В проведенном исследовании картина культуры и у экспертов и у простых респондентов получилась почти одинаковая. Не потому, что общество стало таким единым и однообразным, а потому, что вопросы, которые там стояли (а они выстраивались в долгих дискуссиях, оказалось трудно найти, чем это измерить), имели конкретную социальную привязку. В зависимости от образования или возраста мы получили разные ценности, подходы, культурные потребности, уровни культурной компетентности. То есть взгляд на культуру общий, он как бы единый. А взгляд через призму конкретного субъекта — совершенно иной.

Пожалуй, общий вывод можно сделать такой: на самом деле духовная культура не находится в кризисе с точки зрения современного взгляда. Если же говорить с точки зрения завышенных требований, которые мы можем предъявлять, тогда это состояние некоей фазы кризиса. Здесь показатели и экономического гнета, и технологического детерминизма, бесспорно, присутствуют. Но это было всегда. Вспомните Ясперса, который говорил о том, как человеку приходилось начинать четыре раза с новых основ.

Переход от социальной технологии к другой всегда порождает кризис, разрыв и т.д. Сегодня есть разные признаки, которые позволяют считать, что межпоколенческий разрыв, к сожалению, будет увеличиваться. И не только потому, что разрыв в ценностях всегда увеличивается, когда налицо переходная эпоха, но и потому, что есть еще разрыв технологий. Сегодня мы о нем почти не говорили, но переда-

ча и форма передачи социокультурного опыта меняются. Это и система образования, и система коммуникаций, о чем говорилось. Какая система коммуникаций сегодня преобладает? Информационная, массовая, медийная, визуальное восприятие культуры. Это подтверждает и проведенное исследование.

Молодое поколение сегодня больше интересуется миром другой культуры, информационной, как мы ее называем. Художественная культура, которая всегда была эталоном духовности, эталоном интереса, потихоньку уходит на второй план. Одновременно происходит одомашнивание досуга, когда сидение у компьютера становится более привлекательным. Наше исследование показало небольшой процент интереса к компьютерным технологиям. Но у меня есть данные других исследований по Москве: свыше 20% молодежи не хочет и не собирается выходить за пределы своего дома и покидать новый — виртуальный, визуальный мир, которым она хотела бы заменить социальные, живые, субъектные отношения.

Ценностные расхождения в духовной культуре имеют основание прежде всего в природе функционирующих у нас социокультурных институтов. Ценности, ментальность, архетипы передаются через определенные пласты от поколения к поколению. Но есть и социальное начало, которое делает нас другими, и когда это социальное начало начинает довлеть над культурой, а, на мой взгляд, сейчас об этом многие говорили, тогда меняется и наша ментальность.

Не так давно мы считали, что это трансформации практически не подлежит. Мне кажется, что делать какие-то глубокие выводы сегодня вообще трудно. Материалы этого исследования требуют очень серьезного анализа.

Порус В.Н., профессор Высшей школы экономики, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Эпистемология и философия науки»

Мне хотелось бы все-таки понять два тезиса из вашего выступления. Первое. Какая все-таки связь между сидением в виртуале значительной части молодежи и обсуждаемым вопросом о кризисе духовной культуры? Какое отношение имеет виртуал к духовной культуре? Является ли это новой формой духовной культуры, предполагается ли перспектива ее развития и т. д.?

И второй вопрос. Я не понял, вы говорите, что с современных позиций можно говорить об отсутствии кризиса, о некоторых новых явлениях, которые мы должны еще осмыслить не в ракурсе исследования кризиса, а в ракурсе определения наших будущих состояний и перспектив. Объясните, пожалуйста, свою позицию.

Астафьева О.Н.
Сегодня нельзя однозначно судить о приобщении к компьютеру или компьютерным технологиям как о факте получения или утраты духовности и т.д. Это очень противоречивая ситуация. Вы спросили, какое отношение имеет виртуал к духовной культуре? Прежде всего то, что свободное время и мир повседневности формирует личность человека.

Порус В.Н.
Свободное время формирует личность человека?

Астафьева О.Н.
Человек в свободное время формирует сам себя.

Порус В.Н.
Свободное от чего?

Астафьева О.Н.
Свободное от исполнения своих профессиональных обязанностей, бытовых, позволяющее общаться с высокой культурой. Вы можете проводить его и в безделье. Свободное время в данном случае — это время, свободное от профессиональных занятий, бытовых обязанностей, время, которое я бы мог посвятить самому себе, развитию своей собственной личности. Раньше это время измеряли по тому, что человек делает в это время. В исследовании есть такой вопрос, и оказалось, что процентов 15 бездельничают. А вот примерно 20% уже находятся в новой информационной среде. Все, что они получают оттуда, и порядок того, как они это получают, как они выстраивают свой собственный мир — это есть новый человек.

Мир информационных технологий выстроен по абсолютно иным законам, законам спонтанным, стихийным, там нет абсолютного желания начать читать книгу и закончить ее в нужную минуту. Выключение компьютерной точки — это есть выключение мое, секундное, мимолетное из этого мира, и моя личность становится иной, я становлюсь человеком иного ритма времени. Я становлюсь в принципе другим человеком, и социальные, субъект-субъектные отношения меня начинают интересовать в меньшей степени. Они остаются, но на уровне монитора и человека за этим экраном.

Порус В.Н.
Но на время.

Астафьева О.Н.

На время, и возникает другое человек, который умеет и быть там, и находиться в другой реальности. Причем это разделение и утрата целостности, о которой постоянно каждый мечтал. Одно дело бахтинская идея — погрузиться в текст, раствориться в нем, работать с героем и становиться самому другим. И другое дело то, каким я становлюсь там. Пожалуй, мы здесь получаем негативную картину. Чтобы бродить по миру в другой культуре, хорошо иметь луч и фонарь, а лучше проводника. Вот тем проводником, согласно классическому определению культуры, всегда была система образования, семья, классическая художественная культура. И когда они во внешнем мире становятся все меньше, некий новый для меня суррогат, свалка культуры, делают меня другим. Будет ли это совсем плохо, негативно?

Порус В.Н.

В Финляндии врачи признали синдром сидения за компьютером тяжелой психической болезнью и даже не берут в армию людей, которые страдают этой болезнью. Эти 20% у нас тоже могут быть обследованы финскими медиками.

Астафьева О.Н.

К сожалению, в этих 20% присутствуют самые разные люди, присутствуют хакеры, там есть своя градация, это совершенно другая тема. Есть люди, которые, действительно, не нуждаются в нашей социальной реальности. Приходят сюда, чтобы выполнить свои функции. Это тема интересная.

Порус В.Н.

Вопрос, который вынесен на обсуждение, касается кризиса духовной культуры, есть он или нет. Сразу выскажу свое мнение по этому вопросу, а потом постараюсь несколько комментариев к этому мнению сделать.

Наша духовная культура находится не в кризисе, а в состоянии катастрофы. Кризис — это обнадеживающее понятие, потому что после кризиса часто наступает выздоровление, новое состояние, которое, может быть, даже лучше или более желательное, чем прежнее. Катастрофа — это синоним летального исхода.

Я обращаюсь к данным, которые дают эксперты, по важнейшему вопросу: как охарактеризовать нынешнее состояние духовной культуры нашего общества? Около 43% экспертов (обращаю внимание,

эксперты — это как бы консилиум у тела больного) считают, что больной скорее жив, чем умер, и находится в состоянии выздоровления. В то же время свыше 46% считают, что больной либо уже умер, либо находится в предсмертном состоянии.

Я предлагаю провести мысленный эксперимент. Представим себе, что это врачи, которых призвали к тяжелобольному человеку. Если из десяти врачей шестеро говорят, что большой почти умер, а четверо говорят, что он вот-вот выздоровеет, то такой консилиум следует разогнать.

Я думаю, что важнейшим признаком катастрофического состояния нашей культуры являются полный разброд и шатания в головах экспертов. Когда-то Гегель сказал, что действительность есть инобытие идеи. Я бы слегка подправил его. Если в действительности что-то не так, то причина этого скорее всего заключается в том, что разрушилась идея. Именно потому, что эксперты исходят из совершенно различных мировоззренческих теоретических позиций, аксиологических состояний, они дают совершенно различные экспертные заключения. И, следовательно, катастрофа произошла прежде всего в сознании носителей культуры. Именно тех, о которых В.М.Межуев с таким уважением говорил как о людях, которые должны заниматься просвещением народа. Ничего себе просвещение, если один просветитель видит в состоянии этой культуры обнадеживающие признаки, а другой считает их, наоборот, симптомами летального исхода! Какое же тут просвещение?! Наоборот, наступает полная тьма, неразбериха. И больной если и жив, то скорее всего умрет, если будет лечиться у этих врачей.

Экспертное сообщество России в настоящее время находится в критическом состоянии. И это, с одной стороны, грозный симптом катастрофы культуры, которая охватила наше общество, а с другой — одна из причин этой катастрофы. На носителях культуры, на просветителях лежит большая доля ответственности за то состояние культуры, в котором мы находимся.

Следующий тезис. Если культура оценивается как совокупность артефактов, т.е. того, что производится людьми, в отличие от того, что совершает природа, то можно сказать, что наш больной уже фактически умер, он не в кризисе, а уже покойник, потому что тогда состояние культуры может действительно оцениваться по количеству и качеству телепередач, по количеству или качеству музеев, библиотек, различных мероприятий, по традиции относимых к числу культурных, и т.д. На все это нужны деньги, которые можно взять либо у власти, либо у рынка, и как прекрасно сказал здесь Вадим Михайлович, это те самые жернова, между которыми истирается само понятие культуры.

Если же под культурой понимать совокупность универсальных ценностей, на которые ориентируется человек в своем поведении, то тогда возникает довольно печальная картина. Носители этих ценностей на самом деле эти ценности не носят. Они отказываются от своей функции, они выдвигают такой лозунг: давайте вернемся в мир артефактов, будем исходить из него, делать некоторые обобщения по поводу жизни этого искусственного мира и привыкать жить в нем. Отсюда же и обращение к власти: спасите нашу культуру, дайте больше денег, т.е. отрежьте нам побольше кусочек от общественного пирога, и тогда будет все хорошо.

Но таким образом мы возвращаемся на круги своя, повторяем путь болезни, возвращаемся к ее истокам, и нечего удивляться тому, что конец будет совершенно очевидный.

Я почти во всем всегда согласен с В.М.Межуевым, но в одном положении я хотел бы ему возразить. Все-таки это позиция так называемой «интеллигенции», я это слово употребляю в кавычках и с прибавлением «так называемая», позиция интеллигенции, которая воображает себя носителями универсальных культурных ценностей. Эта же позиция должна быть в таком случае жертвенной, потому что такая позиция — это позиция идеалистическая, она противопоставляет себя реальности, власти, основным тенденциям социальной жизни, и таким людям место на Голгофе.

Межуев В.М.
Лучшие туда и идут.

Порус В.Н.
Я и говорю, кто из нас готов туда взобраться с тем, чтобы все-таки культура, хотя бы как идеал, оставалась живой после нашей гибели? Таких жертвенных людей я не наблюдаю в сообществе, которое меня окружает. Возможно, они есть, мне просто не повезло, но в своей огромной массе, как об этом свидетельствуют результаты социологических опросов, это сообщество вовсе не таково. Оно ждет либо подачек от власти, либо чуда от экономических процессов, вытекающих из рыночного хозяйства.

Катастрофическое состояние пока не дает никаких оснований видеть свет в конце туннеля. Поэтому против чего бы я решительно возразил. Против наивного оптимизма, который сеется тем, что у некоторых экспертов есть ощущение возрождения, против того, что можно жить в мире артефактов, принимая его за мир культуры, против оптимизма, который ни на чем не основан. Я думаю, что если оптимизм и имеет какую-то перспективу, то он должен найти для этого более серьезные основания.

Тощенко Ж.Т.
Катастрофизм вы относите только к российской культуре или и к мировой культуре?

Порус В.Н.
Не только. Но поскольку я живу в России, процессы, происходящие здесь, меня больше касаются, они в большей степени болезненны. Поэтому я, скорее, говорю о нашей культуре, о российской, но как сказал В.М.Межуев, и я с этим согласен, это общемировой процесс. Таким образом, мы должны признать, что Россия либо серьезно больна, либо находится в том же самом положении, что и весь мир, а мир идет к Апокалипсису.

Скородумова О.Б., профессор кафедры философии, социологии и политологии МИРЭА

Несколько слов в защиту больного. У меня такой вопрос: Владимир Натанович, вам не кажется, что извечную проблему роли интеллигенции в качестве лекаря больного и определенные кризисные процессы в среде интеллигенции мы переносим на все общество, которое является носителем духовной культуры? Как бы вы объяснили тот уникальный факт, аналога которому ни в одной стране мы не можем найти, что, скажем, более 200 электронных библиотек, в том числе библиотека Машкова, создавались силами энтузиастов, не за деньги. Это говорит об интересе. Более 300 православных сайтов, где представлены практически все иконы, вся духовная литература, создавались силами энтузиастов, в отличие, скажем, от США, где проект Гуттенберга финансировался государственными и коммерческими структурами. Не говорит ли это о том, что в нашем обществе есть интерес к духовному наследию, к традиционной культуре и стремление по мере сил и возможностей ее сохранить?

Порус В.Н.
Я очень коротко отвечу, Вы говорите о том, что больной подает признаки жизни. Я с этим соглашусь.

Скородумова О.Б.
Не признаки жизни, не выздоравливает, а больной не умер.

Порус В.Н.
Знаете, это напоминает мне анекдот, когда приходит врач и спрашивает, как чувствует себя больной? — Он умер. — А потел

ли он перед смертью? — Потел. — Это очень хорошо, — сказал врач.

Я знаю библиотеку Машкова, знаю огромный интерес к электронным библиотекам, тысячи посещений этих библиотек. Все это говорит мне только о том, что существует определенная инерция культурных традиций, которая иногда принимается за самобытие этой культуры. Инерция да, есть, люди посещают лекции, они рвутся в вузы, они читают в метро, правда, больше Донцову, чем Гегеля, но все-таки читают. Все это очень приятно и это может радовать взгляд. Но лучше не обольщаться. Давайте трезво, безжалостно, обратим внимание на реальность. Не надо закрывать глаза на нее, это худшее, что мы можем сделать — выдавать некоторые признаки жизни за самое жизнь. Так бы я ответил на ваш вопрос.

Скородумова О.Б.

У нас существует мистификация определенного пространства, в том числе Интернета, когда она рассматривается как некий особый мир, причем мир, достаточно однородный, который навязывает свои правила существования в нем и т.д. Но при этом забывают, что эта мистификация связана с начальной стадией существования Интернета, с развитием информационного общества, обусловленного американской культурой. В последнее время стало очевидным, что есть и другие подходы и модели — сингапурский вариант информационного общества, финский. Финляндия в этом смысле исторически более близка к нам. Может быть, в культурном плане у нас есть намного больше точек соприкосновения, чем с Сингапуром.

Так вот, опыт Финляндии показывает, что возможна реализация такой модели информационного общества, которая не ведет к кризису и болезни. Тот факт, что молодое поколение проводит свой досуг не в пивбаре, а в библиотеке, использует информационные ресурсы для решения не только профессиональных, но и досуговых проблем, духовного роста в первую очередь, говорит о том, что использование виртуальной среды возможно здесь и в плане формирования личности.

Что касается кризиса, действительно, финские и другие специалисты фиксируют появление болезни. Но не надо забывать, что в любом обществе есть некий процент людей, так или иначе вырванных из социальной сферы, людей с девиантным поведением. Раньше использовались наркотики и алкоголь как уход от действительности, теперь — отчасти компьютер. Это проблема социального состояния общества. И везде она есть. Дело не в информационных технологиях, а в той социальной ситуации, которая сложилась в обществе. По-

явление этой болезни свидетельствует о том, что наркотики и алкоголь были заменены на другую форму, и неизвестно, что лучше.

Произойдет этот уход или нет, во многом зависит от социальной политики государства, от того, насколько это поддерживает те проекты, которые способствовали бы и сохранению традиционной культуры в среде Интернета, и привлечению населения для решения своих проблем и проблем духовного роста средствами новых информационных технологий. Скажем, в той же Финляндии скотоводы, оленеводы используют сотовую связь, Интернет для общения с семьей. Что в этом плохого?

Но все это не происходит само по себе. Для этого нужна целенаправленная государственная политика. Финны в этом плане много поработали. Они создали очень интересную систему привлечения самых разных слоев населения к обучению информационным технологиям через информационные киоски. Это обучение проводилось бесплатно. Нечто аналогичное делается и у нас. Но у нас эта политика не продумана, в этих информационных киосках присутствуют мальчики, которые отбывают время и совершенно не работают с населением.

Сохранение духовной культуры, духовного наследия с помощью новых информационных технологий может дать огромный эффект. Мы должны поддерживать ростки, развивать их и верить в свой народ, не считая его таким уж совсем умирающим, находящимся в стадии агонии.

Соловьев С.М., главный редактор журнала «Скепсис»

Я поддерживаю то, что сказал В.Н.Порус. Более того, у меня настроение еще более пессимистическое. Здесь прозвучали хорошие слова про Финляндию, про уровень информационных технологий. Но в России пользуется Интернетом определенное количество тех людей, у кого есть возможность приобрести компьютер и платить за Интернет. Социальная структура российского общества такова, что массовое пользование современными технологиями для большинства населения за пределами Москвы невозможно и не будет возможно в ближайшее время. По степени доступности образования, прежде всего высшего, его качеству Финляндия занимает одно из первых мест в мире, а Россия оказалась в третьем или четвертом десятке, где-то с некоторыми африканскими странами.

Можно рисовать себе идеальные картины, но действительность обратная. Простой пример: буквально сейчас в Костроме из бывшего Ипатьевского монастыря выгоняют музей новейшей истории, церковь выгоняет.

Из зала
Конфликт разрешен.

Соловьев С.М.
Хорошо, если конфликт разрешен. Но ущерб, нанесенный музею, совершенно очевиден, а голодовка работников музея в конце декабря на сообщество экспертов или на интеллигенцию особого впечатления не произвела. Не так давно в Томской области была проведена голодовка педагогов из детской школы-клуба «Фрегат», связанная с тем, что их лишали помещения.

Таких примеров нынешнего дня можно приводить много. О каком развитии и существовании духовной культуры можно в этой связи говорить, тем более об информационном обществе?! О какой доступности образования может идти речь, когда вводится модель де-факто платного образования?! Об этом откровенно говорят. Говорят о том, что в 10 — 11-х классах часть предметов, которые раньше были дополнительными в спецшколах, должны теперь оплачиваться и т.д. Абсурд! Тем не менее это не вызывает большого опасения у сообщества экспертов. Как можно называть нормальной ситуацию, связанную с молодежью, если я принимаю экзамены по истории у подавляющего большинства студентов и не могу услышать ответы на вопросы о причинах Октябрьской революции, массовых репрессий, или услышать хотя бы одну фамилию репрессированного. Это где-то 35-40% студентов, и эта цифра не меняется из года в год.

Что касается интеллигенции, то в России она всегда выполняла функцию просветителя. Однако интеллигенция, которая осознавала свою социальную миссию, была либо уничтожена физически в сталинские годы, либо коррумпирована, так как ради спасения жизни и материального достатка согласилась на компромиссы с властью. Российская интеллигенция со времен декабристов с властью никогда на компромиссы, унижающие ее, не шла. Этой интеллигенции сегодня нет. Интеллигенции вообще как социальной группы нет. Есть отдельные интеллектуалы, которые на подобной позиции стоят и стояли в советское время. Происходящее сейчас, с моей точки зрения, это доказывает явным образом.

Возрождение традиции русской интеллигенции является наиболее важной задачей. В большинстве учебников по истории допускаются вопиющие ошибки, за которые людям на экзаменах, на истфаках снижают оценки. Когда дети получают доступ к хорошей культуре, когда им даешь читать Шаламова, Тынянова, они это читают, им это нравится, и они начинают ставить перед собой те вопросы, которые раньше не ставили. Не большинство, но многие.

Сегодня ведется сознательная политика, направленная на снижение интеллектуального уровня нации. Поэтому слово «идеология» должно звучать постоянно.

В.Л.Романов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой организации социальных систем и антикризисного управления РАГС

Духовная культура — фундаментальное основание, на котором формируется и организационная, и информационная культура, и другие виды культуры. В духовную сферу включают науку, образование, искусство, собственно культуру и т.д. К духовной сфере относится духовное производство, потребление. Нас сегодня волнует вопрос не столько о духовной сфере, а то, что там происходит. Духовность принципиально отлична от того, что мы понимаем под духовной сферой. Духовность отражает характеристику ценностной ориентации личности или какого-то сообщества, которая проявляется в отношениях, деятельности, поведении и т.д.

Но чем все это измерить? Культура, ее уровень во многом определяются уровнем духовности. Здесь стоит вопрос для обсуждения: «Преемственность и новаторство в современной духовной культуре». Если смотреть с позиции социосинергетики, то культура — это долгоживущий параметр порядка. Она является своего рода стабилизатором, гомеостатом. Это то, что рождалось поколениями, фиксировалось в структурах, институтах, что сдерживает в кризисных ситуациях, помогает не только удерживаться от вхождения в кризис, но и выйти из него, если он был неизбежен и состоялся. В этом значение культуры. Это то, что обеспечивает преемственность.

Но культура является и консервирующим началом, это не противоречит общему взгляду. Если есть слишком жесткая привязка к прошлому, если все, что раньше было, хорошо, а новое — это плохо, то культура может оказаться консерватором, сопротивлением новому. Рассматривая преемственность и новаторство, мы можем найти путь к примирению. Социосинергетика работает пока на фундаментальном уровне, методологическом, но попытки выйти на какие-то конкретные измерения таких сложных категорий, как духовность, чрезвычайно трудны.

Что уменьшает или увеличивает консерватизм культуры? Думаю, дух. Я в этом отношении убежденный сторонник гегельянских взглядов, который постулировал, что суть материи есть связанность, суть духа есть свобода. Прорыв к свободе — то, что связывает нас с категорией духовности. Духовность — это способность движения к сво-

боде. Отсюда — способность к поступку. Когда что-то запрещено властью, когда связывают тебя устаревшие каноны, которые держат, как путы на ногах, мне кажется, здесь и рождается духовность. Новаторство, инновационность, пассионарность, подвижничество как раз и составляют поле интеллигентности. Кто работает на этом поле, тот и интеллигент, кто застрял, кто воспроизводит себя застаревшим, тот к интеллигенции отнесен не может быть.

Отсюда уровень духовности культуры. Здесь приемлем такой термин, как одухотворенность культуры, так же как одухотворенность разума. Разум может вредить жизни, какой-то черный дух также может вредить, т.е. не всякая инновационность полезна обществу, вот здесь культура должна сказать свое слово.

Высокая духовная культура та, которая сохраняет остов, стержень сообщества, но в то же время не препятствует его обновлению, способна обновляться сама. Недавно защищалась диссертация по корпоративной организационной культуре, в ней рассматривалась корпоративная культура с позиций автокатализа. То есть культура сама себя достраивает, но не просто за счет переноса из старого и обновления старого, а за счет того, что привносят новаторы, новые поколения. Отсюда автокатализ. В то же время она отбирает, находит, что может повреждать, сдерживает такие новации. Таким образом, она выступает в качестве одухотворенной культуры, когда работает на жизнь людей.

Именно здесь можно искать способы измерения духовности культуры. Я далек от каких-то конкретных предложений и видений, но поработать в этом направлении можно, т.е. соразмерить, насколько культура консервативна. Как измерить, каков уровень культуры? Показатель — насколько она способствует жизни, насколько одухотворенность дает ей продвижение вперед.

Есть кризис в нашей духовной культуре или нет? Мне кажется, нет. Есть проявления вхождения в кризис. Они, конечно, явные, если мы возьмем какие-то компоненты, какие-то угрожающие новации, которые идут от глобализации, при том не глобализации, которая распространяет новации методом дефундирования и соответствующего восприятия другой культуры, а внедряемые новации, скажем, ситуация в Ираке. Это глобализация с позиции внедрения новаций, которые чужеродны для него. С этим и мы сталкиваемся во многом, когда заимствуем без разбору зарубежный опыт, стараемся его насадить, а он не совмещается с нашей культурой. Поэтому здесь нужно совместимость каким-то образом измерять. То, что мы находимся на грани кризиса, это факт, т.е. кризис может последовать.

Речь идет о том, что нужна осторожность, здесь должна сработать именно интеллигенция. Мы не впервые столкнулись с такой ситуаци-

ей — посягательство на нас инородной культуры. Петр Великий многое сделал для России, нельзя отрицать, но он буквально насильственно внедрял западную культуру. Где они прижились? На верхах, культура национальная, по сути дела, сохранила самобытность. Она немножко подвинулась, там, где она пыталась прикоснуться к этой высокой культуре, внедренной, получалась карикатура. Но наше общество, хотя и находится в болезненном состоянии, удивительно живуче. Я в этом отношении оптимист, и чем больше мы будем думать об одухотворении культуры, тем больше оптимизма будет вселяться в нас. Я не считаю это наивным оптимизмом.

Бойков В.Э.

Метод анкетного опроса при всей его эффективности достаточно груб, в отличие, например, от глубинного интервью. Поэтому трактовка вопросов, связанных с оценками нынешнего состояния духовности или культуры, очень сложна, потому что разная мотивация у ответивших. Люди, давшие отрицательный ответ, могли руководствоваться тем, что у них душа болит по поводу того, о чем здесь говорили. А люди, давшие положительный ответ, могли руководствоваться незнанием. Поэтому нельзя абсолютизировать эти данные.

Второе, относительно кризиса в духовном отношении. Один известный физик и математик давал интервью по поводу нынешнего состояния науки. Он сравнил науку, в частности, математику, физику с состоянием искусства. Он говорит: вот смотрите, в искусстве есть, скажем, Микеланджело, другие гении, другие произведения, скульптуры, картины и т.д., смотрите, за две тысячи лет, или за полторы тысячи лет, или за тысячу лет ничего не изменилось, это было эталоном и осталось непревзойденным. Что произошло в науке? Сто лет назад телефон только появился, а сейчас такая телефонизация. Наука развивается быстрыми темпами, а искусство законсервировалось. Это его точка зрения. Ее трудно разделить. Я, например, эту ситуацию воспринял совершенно иначе. Две тысячи лет назад людям было свойственно чувство прекрасного, высокие ценности. Если кто-то был в Кижах, видел эту прекрасную церковь. Это же произведение искусства, произведение во всех отношениях! И вообще, чувство прекрасного, по-моему, неистребимо. Нужно уничтожить человека, тогда уничтожится это. Я не считаю, что культура, духовность исчезнут из нашей жизни.